

The background image is a surreal, high-contrast scene. It features a person in a dark spacesuit with a white helmet and a backpack, standing on a dark, reflective surface that shows their reflection. The person is looking up at a massive, dark, jagged structure that resembles a giant's foot or a steep cliff. This structure is covered in a complex network of glowing orange lightning bolts. The sky above is a deep, dark blue with some wispy clouds. The overall mood is mysterious and awe-inspiring.

Владимир Кожевников

**Фантомная
архитектура**

Владимир Кожевников

Фантомная архитектура

<https://litres.ru/74223462>

SelfPub; 2026

Аннотация

В бескрайней пустоте космоса разведывательный корабль находит планету, которую неофициально называют Стекляндой. Её недра пронизывает аномалия — эхо процесса, не поддающегося классификации. Учёный-ксенолог Алекс Керн и его команда спускаются на поверхность, чтобы столкнуться с архитектурой, перестраивающей саму ткань вероятностей. Здесь, в «Библиотеке развилок», каждый миг порождает бесконечное множество ветвей реальности, а главное действующее лицо — Генератор Смыслов, созданный исчезнувшей цивилизацией Зодчих ради исправления трагедий. Героям предстоит увидеть собственные потерянные жизни и принять решение, цена которого — триста тысяч лет накопленного опыта, триллионы существующих миров и их собственная идентичность. Встреча с фантомами прошлого оборачивается выбором между иллюзией счастья и подлинной, пусть и несовершенной, реальностью.

Содержание

Глава 1. Пыльца на зеркалах	4
Глава 2. Порог слышимости	8
Глава 3. Библиотека развилок	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Владимир Кожевников

Фантомная архитектура

Глава 1. Пыльца на зеркалах

Сигнал не был посланием. Никто не вкладывал в него ни формул, ни образов. Это было чистое эхо процесса — настолько сложного, что сам процесс, свернувшись в кокон реальности под базальтовой корой планеты, продолжал вибрировать, хотя его причина канула в небытие тысячелетия назад.

«Ковчег», разведывательный корабль класса «Провидец», висел в точке либрации над планетой, которой сухие каталоги присвоили индекс Gliese 667 Сс-бис. Навигатор, первым увидевший ее в оптическом диапазоне, неофициально окрестил планету Стекляндой. Материки под рваным одеялом пылевых облаков действительно напоминали осколки толстого бутылочного стекла, вплавленные в бескрайнюю ржавчину пустошей. В центре самого крупного «осколка», в узле пересечения древних тектонических шрамов, бился источник аномалии. Ксенолингвистический отдел «Ковчега» после трех суток непрерывного анализа присвоил ему статус: «когнитивный резонанс, не поддающийся классификации». Иными словами — зуд в кортикальном импланте, неслыши-

мый звук, рождающий безотчетную тревогу. Как вопрос, заданный на языке, который ты почти понимаешь, но ответить на который не можешь.

Алекс Керн стоял в обсервационной галерее. Холод палубы, просочившись сквозь подошвы магнитных ботинок, казалось, добрался до костного мозга. Психосоматика, понял он. Системы «Ковчега» работали безупречно, но поделаться с собой он ничего не мог. Он, физик-ксенолог, двадцать лет строивший карьеру на аксиоме, что вселенная — это система безличных, равнодушных законов, столкнулся с феноменом, который не вписывался в эту парадигму. Вибрация, исходящая от планеты, обладала вектором. Она была направлена на них. Стеклянда наблюдала в ответ.

— Зонды-пенетраторы остановлены, — голос Лины Арен, командора экспедиции, раздался за спиной. Она вошла почти бесшумно, но Керн уловил ее приближение по микрозавихрениям воздуха, коснувшимся ворсинок на его руке. Старая привычка. — На глубине двенадцати километров они наткнулись на структуру, которую не смогли идентифицировать. Сами же мы, на основе анализа сигнала, назвали их создателей Зодчими.

Керн обернулся. Его лицо, худое, с резкими тенями под скулами, отразилось в иллюминаторе, на миг наложившись на стеклянные пустоши внизу, словно призрак поверх призрака.

— На основе чего именно? — спросил он. Голос прозвучал

чал глуше, чем ему хотелось бы.

Лина встала рядом. Ее профиль на фоне звездной пыли был строг и точен, как чертеж. Она не стала протягивать инфопланшет, а просто открыла общий канал. Перед глазами Керна в дополненной реальности развернулась голографическая схема — результат синтеза данных георадаров и квантовых интерферометров. Это напоминало не чертеж, а анатомический атлас какого-то невозможного организма: светящийся мицелий из тончайших, как капилляры, нитей, пронизывающий кору, мантию и сходящийся к ядру. Сложность структуры на порядки превосходила нейронную сеть человека.

— Искин выделил несколько повторяющихся паттернов, — в голосе Лины Керн уловил несвойственную ей ноту — не страх, но предельную собранность перед лицом того, что не имеет названия. — Это не энергетическая установка. Это не передатчик. Лучшая наша модель определяет это как «ткацкий станок». Только ткут они не материю, Алекс. Они ткут события. Последовательности причин и следствий. Они нашли способ взаимодействовать с вероятностью, как мы — с электричеством. Пятое фундаментальное взаимодействие.

Повисла пауза. Керн чувствовал, как кровь стучит в висках — мерно, сухо, словно отсчитывая секунды, оставшиеся до чего-то неотвратимого. Редукция волновой функции. Коллапс мириадов возможных вселенных в одну, реальную. Если Зодчие действительно научились управлять этим про-

цессом, то они проникли в святая святых мироздания.

— Десантный модуль будет готов через четыре часа, — сказала Лина, сворачивая голограмму. — Ты старший группы. Ознакомься с полными данными.

Она повернулась и задержалась лишь на мгновение у выхода. Ее пальцы, коснувшись холодного металла поручня, сжались так, что побелели костяшки.

— Алекс, — произнесла она, не оборачиваясь. — Мой дед, когда строил свой дом у озера, говорил одну вещь: «Никогда не селись в доме, в фундаменте которого нашел кости». Будь осторожен.

Когда она ушла, тишина «Ковчега» стала иной — плотной, как вода на большой глубине. Керн вновь посмотрел на планету. Линии тектонических разломов, прежде казавшиеся случайной игрой геологических сил, складывались теперь в единый, пульсирующий узор. Артерии, по которым, подчиняясь неслышимой команде, циркулировал не расплавленный металл, а чистая, летучая эссенция возможности. Там, внизу, под толщей породы и времени, работал Генератор Смыслов, зачатый не для исполнения желаний, а для достижения абсолюта. И его создатели, Зодчие, исчезли в ткани своего творения, не оставив ни скелетов, ни посланий. Лишь это эхо. Лишь эту пыльцу на зеркалах.

Глава 2. Порог слышимости

Спускаемый модуль «Игла» отстыковался от «Ковчега» с сухим щелчком замков. Заработали двигатели малой тяги, и планета, бывшая до этого лишь светящимся узором на мониторах, превратилась в надвигающееся физическое тело — необъятное, полное безмолвной угрозы. Иллюминаторы затянуло оранжевой пеленой ионизированного газа. Алекс Керн, вдавленный в амортизационный ложемент, чувствовал, как вибрация корпуса сливается с той, другой вибрацией — той, что шла из самой ткани пространства и теперь не утихала ни на секунду. Он в который раз поймал себя на мысли, что падение в гравитационный колодец неотличимо от начала любой истинной работы ума: то же головокружительное скольжение в область, где привычные законы могут дать сбой.

В тесной кабине модуля их было четверо. Доктор Элиас Вайс сидел напротив Керна, вцепившись побелевшими пальцами в край амортизационной рамы. Его вечно прищуренные глаза, привыкшие оценивать степень жизнеспособности всего, что попадало в поле зрения, сейчас были широко раскрыты. В них читалась не паника, а предельная, почти болезненная концентрация — так смотрит хирург на незнакомый орган, который предстоит оперировать. Он трижды перепроверил герметичность скафандра, и Керн, заметив это,

ничего не сказал.

Ингрид Сольберг, специалист по квантовой информатике, сидела слева. В отличие от Вайса, она была почти неподвижна. Ее светлые волосы, стянутые в тугий узел, открывали высокий лоб, а взгляд, прикованный к тактическому дисплею, был пугающе спокоен. Керн знал этот тип людей: они превращали тревогу в математическую задачу, и пока задача не была решена, эмоции не имели права на существование. Единственное, что выдавало ее внутреннее напряжение — легкое, почти незаметное шевеление губ. Она беззвучно проговаривала цифры в такт с той самой вибрацией, что пронизывала модуль, и от этого зрелища Керну стало не по себе.

Радж Патил, инженер, занимал место у пульта управления систем модуля. Его лицо, обычно оживленное, сейчас было мрачно-сосредоточенным. Он не улыбался. Он слушал, как поет корпус «Иглы» под нагрузкой, и этот звук был для него единственной симфонией, имеющей значение. Его руки лежали на панели управления, готовые в любой момент перехватить контроль, если автоматика дрогнет.

— Выходим на глиссаду, — голос Ингрид был ровным, но с той микроскопической задержкой перед каждым словом, которая выдавала двойную работу сознания: доклад и расчет. — Посадочная зона Кси-4. Концентрация энергетических возмущений максимальна в радиусе ста метров от расчетной точки касания.

— Возмущения, — эхом отозвался Вайс, не задавая во-

проса, а скорее взвешивая слово на вкус. — Хорошее слово. Неопределенное. Ни к чему не обязывающее.

В динамике зашуршало, и голос Лины Арэн, пройдя сквозь ретрансляторы, обрел легкий металлический призыв.

— Керн, на связи. Доложи обстановку. По телеметрии у вас все в норме, но я хочу слышать твой голос.

— Все в штатном, Лина, — ответил он. — Идем в точку. Возмущение... то, что Ингрид называет возмущением, здесь, внизу, обрело структуру. Это не просто белый шум. Это ритм. Неравномерный, как у аритмичного больного, но ритм.

Пауза была короткой, но Керн знал: Лина сейчас мысленно раскладывает его слова на факты и метафоры, отделяя зерна от плевел.

— Принято. Действуйте по протоколу «Дельта-4». Первичный анализ среды, полное сканирование периметра, и только затем — движение к цели. Никакой самостоятельности. Мы понятия не имеем, что там внизу.

— Принято.

«Игла» коснулась поверхности. Удар был мягким, амортизаторы поглотили инерцию, и наступила тишина. Но не абсолютная. Сквозь корпус модуля просачивался звук — слабый, далекий, похожий на шелест песка. Стеклянда звучала.

Первым из люка вышел Керн. Ботинки погрузились в мелкую, как пудра, стеклянную пыль. Он сделал несколько ша-

гов, оглядываясь. Ландшафт был в точности как на снимках: пологие холмы, испещренные трещинами, уходящие к бледно-желтому горизонту, где полосы облаков лежали, словно мазки размытой акварели. Но снимки не передавали главного — всепроникающего присутствия. Вибрация исходила отовсюду. Планета была гигантским камертоном, резонирующим на частоте, которую нервная система распознавала без участия ушей.

— Сканеры чисто, — тихо, почти шепотом доложил Радж, выбравшись следом. — Никакой органики в воздухе. Патогенов нет — по крайней мере, тех, что способны определить наши фильтры. Но состав пыли... Это не просто стекло. Тяжелые элементы. И еще что-то, чего я идентифицировать не могу.

— Фуллерены, — сказала Ингрид, не отрываясь от своего прибора. — Углеродные наноструктуры. Но выстроены не хаотично. В определенном порядке. И этот порядок... — она запнулась. — Он не статичен. Он меняется прямо сейчас. Пыль под нашими ногами перестраивает свою кристаллическую решетку.

Вайс присел на корточки и зачерпнул горсть пыли в перчатке. Поднес к гермошлему, вглядываясь в мельчайшие искры, пляшущие на ладони.

— Она живая? — спросил он.

— Нет, — ответила Ингрид. — Не живая. Но и не мертвая. Она... управляемая.

Керн поднял взгляд. В сотне метров, возвышаясь над стеклянной равниной, стояла стена. Она была черной и, казалось, поглощала свет, отчего края ее размывались, словно предмет существовал не совсем в этой реальности. Вся ее поверхность была покрыта сетью линий, пульсирующих медленным, сиреневым светом. Линии переплетались и ветвились, создавая узор, напоминающий нейронную сеть. Но взгляд не мог ухватить ее плоскость — за поверхностью открывалась пугающая, затягивающая глубина.

— Порог слышимости, — произнес Керн.

Все посмотрели на него.

— Мы слышали их на орбите, как шум, — сказал он. — Здесь, на поверхности, мы слышим их как ритм. А за этой стеной... там мы услышим их как голоса. Членораздельную речь. И нам придется на нее ответить.

Он сделал шаг. Стеклянная пыль захрустела под ногами, и в тот же миг линии на поверхности стены вспыхнули ярче. Реакция была мгновенной и безошибочной. Ингрид ахнула. Вайс выпрямился, не сводя глаз со стены. Радж непроизвольно положил руку на пояс с инструментами. А Керн стоял и смотрел, как черная поверхность начинает медленно, беззвучно менять свой узор, перестраивая его под нечто новое — нечто, что предназначалось именно для них.

Глава 3. Библиотека развилок

Прикосновение не встретило сопротивления. Ладонь Кер-на, облаченная в многослойную ткань перчатки, погрузилась в поверхность стены, и в то же мгновение он перестал ощущать границу собственного тела. Вспышка была беззвучной и не оставляла пятен на сетчатке — она произошла где-то в недрах мозга, затронув те его участки, которые отвечали не за зрение, а за ориентацию в пространстве и чувство непрерывности «я». На долю секунды ему показалось, что он размазан по множеству мест одновременно: он стоял, сидел, лежал, взбирался по лестнице, которой не существовало, касался лица женщины, которую не знал, — и все это схлопывалось в одну точку настоящего, нестерпимо плотную и единственно реальную.

Когда ощущения вернулись, он уже находился внутри.

Пространство, открывшееся перед ними, не было ни пещерой, ни залом. Оно было архитектурой, из которой удалили само понятие архитектуры. Пол — если это можно было назвать полом — напоминал застывшую поверхность тяжелой жидкости: он отражал не фигуры, а их тени, но тени были неправильные, растянутые в направлениях, противоречащих расположению источников света. Стены, уходящие вверх на неопределимую высоту, были черны, и лишь сиреневые нити, густо оплетающие их, позволяли судить о том,

что стены вообще существуют. Нити переплетались, завязывались в многомерные узлы, расходились вновь. Это напоминало график гигантского вычислительного процесса, только оси координат этого графика лежали вне человеческой геометрии.

— Не смотрите на узлы дольше трех секунд, — резко произнес Вайс. Голос его звучал глухо, словно вяз в воздухе. — У них есть... гипнотический эффект. Я почти перестал чувствовать левую руку.

— Это не гипноз, — отозвалась Ингрид, не отрываясь от сканера. Прибор издавал неровный, сбивчивый писк, словно захлебываясь от переизбытка данных. — Это когнитивная перегрузка. Наш мозг пытается интерпретировать четырехмерную топологию в трехмерных образах. Не срабатывает. Возникает конфликт сенсорных систем. Лучше смотреть на пол или на собственные ноги.

Радж, следуя ее совету, опустил взгляд, но почти сразу же поднял снова. Его лицо, освещенное сиреневым мерцанием, было не испуганным, а скорее мрачно-завороженным.

— Там что-то движется, — сказал он, указывая в центр пространства.

Движение действительно было: сгусток света, похожий на медленное выпадение снега из невидимого облака. Свет не был проекцией. Он материализовывался, обретал плотность, и вскоре перед ними стояла фигура.

Человекоподобная, но не человек. Керн видел ее не столь-

ко глазами, сколько всем своим существом: фигура состояла из множества версий себя, наложенных одна на другую с микроскопическими сдвигами. Сотня фотографий одного лица, сделанных в разные годы, в разных состояниях, с разными выражениями, и все они просвечивают друг сквозь друга, создавая образ, который находится в постоянном, едва уловимом движении. Юноша и старик, смех и скорбь, здоровье и болезнь — все сосуществовало одновременно, и от этого зрелища возникало чувство, близкое к морской болезни, но имевшее не физическую, а онтологическую природу.

— Я — Эхо, — произнесло существо. Его голос тоже был множественным: не хор, а скорее запись одного голоса, проигранная на сотне устройств с чуть разной скоростью. — Я — интерфейс. Я — сторож. Я — то, что осталось от Зодчих после того, как они завершили свою историю и начали другую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.